
ЭТНОСЫ

В.В. Мароши¹

Новосибирский государственный педагогический университет

ЭТНОС КЕТОВ В КОЛОНИАЛЬНОМ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена эволюции этнообраза одного из самых малочисленных народов Восточной Сибири – кетов в очерках, травелогах, реалистической прозе русской литературы с начала XVIII в. до наших дней. Несмотря на уникальность их языка до конца XIX в. сформировалось колониальное отношение к кетам как к самому бедному, несимпатичному и маргинальному этносу Восточной Сибири. Однако некоторые путешественники, прежде всего М. Кастрен, все же отмечали их особое простодушие и наивность, старались найти в них европейские антропологические черты. Первого настоящего защитника кеты нашли в начале XX в. в лице этнографа В. Передольского, создавшего серию драматичных беллетризованных очерков, посвященных их безотрадной участи. В советской литературе почти не было этнической прозы, в которой кеты играли бы значимую роль. Однако в постсоветской прозе ситуация резко изменилась: кеты, с одной стороны, стали персонажами постколониальных травелогов «кающихся интеллигентов», эпическими героями этноисторических романов писателей Красноярского края (А. Григоренко, А. Бондаренко), а с другой – персонажами реалистической прозы М. Тарковского, в которой современное поколение кетов предстает в довольно мрачной перспективе лишенных идентичности маргиналов-алкоголиков. В постмодернистской поэзии К. Решетникова 1990-х гг., несмотря на лингвистические изыскания автора в кетском языке, собственно кетский миф так и не был создан.

Ключевые слова: русская литература, этнос, малочисленные народы, кеты, колониальный, постколониальный.

---

¹ Валерий Владимирович Мароши – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФБГОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск)

V.V. Maroshi

Novosibirsk state pedagogical University

KET ETHNICITY IN COLONIAL AND POST-COLONIAL DISCOURSES IN RUSSIAN LITERATURE

The article is devoted to literary presentation of an indigenous people of Eastern Siberia – the Ket ethnicity – in essays, travelogue and realistic prose from the beginning of the XVIII century to nowadays. Until the late nineteenth century a colonial attitude to Kets as to a very poor, unsympathetic and marginalized ethnic group in Eastern Siberia was formed despite the uniqueness of their language. However, some travellers, especially M. Kastren, noted their particular innocence and naivety, tried to find European anthropological features in them. The first true defender of Ket ethnicity was Russian ethnographer V. Peredolsky, who created the dramatic series of fictionalized sketches about their bleak fate. In Soviet literature there was almost no ethnic prose, in which this ethnicity would play a significant role. However, in post-Soviet prose, the situation changed dramatically: the Kets, on the one hand, became the characters of postcolonial travelogue of «repentant intellectuals», the epic heroes of the «ethnohistorical» novels of Krasnoyarsk regional writers (A. Grigorenko, A. Bondarenko), and the most negative characters in M. Tarkovsky's realistic prose, in which the current generation of the Kets is presented as outcasts-alcoholics who lost their ethnical identity. In K. Reshetnikov's postmodern poetry of 1990s, despite the linguistic research of the author in the Ket language, special Ket mythology was not created.

Keywords: Russian literature, ethnicity, indigenous peoples, Ket ethnicity, colonial, postcolonial.

Проблематика нашей работы требует сначала некоторого уточнения смысла актуальных терминов, использующихся в современных постколониальных исследованиях. Неприменимость сложившихся на Западе схем теоретизирования к истории и культуре России в силу разнообразия ее типов колонизации, пестроты географических и культурных укладов, изменчивости и неоднородности стратегии государства по отношению к разным частям империи, эволюции представлений интеллигенции об инородцах уже не раз отмечались в отечественных и зарубежных работах по постколониальной тематике (См. [Эткинд, 2003]).

В проблеме «русская литература и постколониальный дискурс» сформировались две взаимоисключающие точки зрения, которые могут быть сведены к следующим утверждениям: 1) национальная словесность камуфлировала и поэтизировала русский вариант колониализма и империализма; 2) в России преобладала «внутренняя» колонизация русского народа, и в этой ситуации русские писатели и интеллигенция в целом стали «голосом» не только своей угнетаемой нации, но и всех остальных, лишенных права голоса в имперской культуре. Наиболее отчетливо «колониалистская» версия русской литературы утверждается в монографии и статьях Э. Томпсон [Thompson, 2000]. Антиколониалистская и постколониалистская версии дискурса русской литературы обоснованы в исследованиях слависта А. Эткинда и отечественного культуролога И. Кукулина, посвященных классической словесности XIX в. и литературе второй половины XX в. – начала XXI в. соответственно [Эткнд, 2003, с. 122-123; Кукулин, 2012]. Эти две взаимоисключающие точки зрения на дискурсивные стратегии русской литературы стали крайностями, которых мы будем, по возможности, избегать. Наиболее систематичным исследованием колониальной риторики нам представляется исследование Д. Спёрра [Spurr, 1993], в котором рассматривается двенадцать наиболее общих дискурсивных стратегий Британской империи, не всегда очевидных для истории и культуры России. Изменения приоритетов российской и советской власти по отношению к малым народам Севера детально рассмотрены в монографии Ю.Л. Слезкина [Слѣзкин, 2008]. Автор, конечно, не мог уделить внимание истории взаимоотношений с властью и социумом отдельных этносов, его интересовало общее, а не особенное, хотя ценные наблюдения над процессом рецепции в русской культуре того или иного малого народа в его книге рассыпаны повсюду.

Колониальное отношение русского литератора-христианина к северным дикарям-язычникам наиболее концентрировано и пластично, как нам представляется, выражено в миниатюре И.А. Бунина «Идол» (1930), в которой повествователь и герои вспоминают об увиденном в московском Зоологическом саду удивительном инородце: «...а возле чума, прямо на снегу, поджав под себя короткие скрещенные ноги в пегих меховых чулках, торчал раскрытой головой из каляного мешка

оленьей шкуры не то какой-то *живой идол*, не то просто *женоподобный*, безбородый *дикий* мужик, у которого почти не было шеи, плоский череп которого поражал своей крепостью и густотой крупных и прямых смоляных волос, а медно-желтое лицо, широкоскулое и узкоглазое, своей *нечеловеческой тупостью*, хотя как будто и смешанной с грустью; и занимался этот идол только тем, что с трех часов до позднего вечера сидел себе на снегу, не обращая внимания на толпящийся перед ним народ, и от времени до времени давал представление: меж его колен стояли две деревянные миски, – одна с кусками *сырой конины*, а *другая с черной кровью*, – и вот он брал кусок конины своей короткой ручкой, макал ее в кровь и совал в свой *рыбий рот*, глотал и облизывал пальцы, всему прочему совсем не соответственные: небольшие, тонкие и даже красивые <...> а он сидит и все сует себе в рот куски мокрого и черного от крови мяса, и ничего не выражают его темные узкие глазки, его плоский желтый лик». [Бунин, 1986, с. 499]¹. Законченность портрета дикого, тупого, женоподобного, рыбоподобного монголоида-язычника разрушают красивые пальцы и оттенок грусти на его ничего не выражающем лице. Это изображение представляет собой по сути театрально-живописную вариацию давнего краткого описания сибирских народов тобольского дьяка Саввы Есипова в 1636 г. «Пегая ж орда и остяки, и самоеды закона не имеют, но идолам поклоняются ... сыроядцы, зверина же и гадская мяса снедающее, скверна и кровь пияху, яко воду» [Сибирские летописи, электронный ресурс, http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Sibir_let/frameset.htm]. В то же время в прозе Бунина мы находим ярчайшие образцы и антиколониального дискурса по отношению к американцам («Господин из Сан-Франциско») и англичанам («Братья»).

Кратко коснемся исторической судьбы интересующего нас этноса. Кеты или ранее «енисейские остяки», компактно обитающие в среднем течении Енисея, – одна из 26 этнических групп, которых с 1920-х гг. относят к «малочисленным народам Севера». Генетически и типологически их язык («палеоазиатский») существует в изоляции, из которой уже много лет его пытаются вывести многочисленные

---

¹ Курсив здесь и далее наш. – В.М.

лингвисты, изучающие его устройство. Численность кетов с XIX в. колеблется в пределах 800-1000 человек, однако на протяжении второй половины XX – начала XXI в. этнос постепенно утрачивает свой язык, несколько родственных ему уже исчезли. Если не изолировать кетов от «цивилизации», то с большой долей уверенности можно предположить, что через два-три десятилетия их язык станет только материалом для исследований лингвистов из разных стран мира. В отличие от некоторых других малочисленных народов Сибири этнос не выразил себя в XX в. в русскоязычной или автохтонной словесности авторского типа, в истории кетов не было и нет по сей день тех представителей национальной интеллигенции, которые бы претендовали на роль медиумов или идеологов этнического самосознания. Немногочисленные кетские интеллигенты предпочитают пассивную роль информантов для этнографов и лингвистов. Попытки создания в начале 2000-х гг. новых институций, которые бы остановили процесс утраты языка (общество кетской культуры, обучение языку в школе, новые центры изучения), нельзя признать успешными.

Из анализа сибирских гидронимов, проведенных А.П. Дульзоном [Дульзон, 1962] следует, что ареал прежнего распространения этноса был намного больше и включал в себя весь юго-восток Западной Сибири и юг Восточной Сибири. Этот контраст нынешнего прозябания остатков народа и его «славного исторического прошлого» вызывает в памяти очевидный литературный прецедент – «последних из могижан», по названию одноименного исторического романа Д.Ф. Купера («The Last of the Mohicans», 1826), ср. соцреалистический его вариант – незаконченный роман «Последний из удэге» А. Фадеева (1929-1940). В романе Фадеева была заимствована у Купера повествовательная перспектива для противопоставления эпического прошлого и убогого настоящего, сложности и величины географического пространства, занимаемого кочующим этносом и примитивности его социального устройства: «Народ кочевал по стране, могущей вместить семь с половиной таких государств, как Япония, и десять таких государств, как Англия с Шотландией и Ирландией и Нормандскими островами. Когда-то народ был велик. В песне говорилось, что лебеди, перелетая через страну, становились

черными от дыма юрт» [Фадеев, 1957, с. 83]. Ср. тот же нарративный стереотип в романе В.Г. Богораза «Воскресшее племя» (1935): «В прошлом, *до прихода русских*, юкагиры, вместе с родственными им чуванцами и другими, более мелкими племенами, занимали обширное пространство между двух океанов: Полярного и Тихого, от реки Лены до реки Анадыря. Они примыкали непосредственно к чукотско-коряцкой группе народностей, живших еще дальше и занимавших весь крайний северо-восточный треугольник обширного материка Евразии. По древним сказаниям, шатры и огнища юкагиринов были расположены так часто, что Ворон Громник, пролетавший над тундрой, совершенно почернел от дыма и копоти и должен был бессильно опуститься на землю, не пролетев даже и половины пути. Ныне от юкагиринов осталось несколько сот человек, а чуванцы совершенно исчезли» [Тан-Богораз, электронный ресурс, http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1935_voskr_plemya.shtml].

Этот же шаблон еще в дореволюционные времена использовался этнографами для оценки прошлого кетов: «Несомненно одно, что *до прихода русских в край*, остяцкий народ был и многочисленнее и сильнее, и что, с приходом их, подвергся повальным болезням и полной эксплуатации, доведшими его до нынешнего печального положения» [Лыткин, 1892, с. 131]; «...особенно замечательный народец, который *некогда* был велик, а *теперь* вымирает и представляет лишь отдаленное сходство с Финнами, Угрскими Остяками и Самоедами» [Миддендорф, 1878, с. 657]; «Возьми остяков; самый сильный народ *прежде* был, а много ли их *теперь* осталось» [Передольский, 1908, с.177-178]. На самом деле, этнос ослаб еще в очень отдаленные времена, отступая перед более многочисленными и развитыми эвенками и тюрками, но главной причиной этнической катастрофы ученые все равно считали «*приход русских*».

На самом деле все малые народы Севера и Сибири кочевали по огромной территории и создавали эпические предания о своих героях-богатырях и значительности своего прошлого. Интерес к историческому генезису кетов и маршруту их миграции возникает очень рано, а неясность этногенеза порождает самые неожиданные версии (иберийцы, финно-угры, кавказские этносы, гунны, индейцы Северной Америки), в том числе и в травелогах: «Может быть, это

самый загадочный народ Сибири. Его исторический след теряется в сумрачной дымке далеких тысячелетий. Существует научная гипотеза, согласно которой наши енисейские кеты – ни больше ни меньше, а потомки хеттеев, народа, неоднократно упоминающегося Библией, начиная с книги Бытия» [Соколов, электронный ресурс, <http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1>]. Во всяком случае, никакого колониальной «негативной истории» [Spurr, 1993], по отношению к ним нет и в помине, наоборот, пространственные и временные рамки миграции этноса предельно протяжены.

Со второй половины XIX в. в разнообразных этнографических или беллетризованных травелогах и очерках о народах Сибири русский этнос предстает в двух противоположных социокультурных ипостасях – с одной стороны, просветителя и цивилизатора (власть, интеллигенция и миссионерствующее духовенство), с другой – обманщика наивных инородцев, где трикстерами становятся купцы, крестьяне и даже священники, обирающие неофитов. Но еще раньше, со времени начала русского Просвещения у «инородцев» Сибири и Севера, в свою очередь, в изображении русских путешественников и литераторов дикость, невежество, грубость, лень, нечистоплотность, пьянство, беззаботность, робость, сочетаются с простотой, честностью, добротой, гостеприимством, чадолубием. Именно влияние концепции Просвещения позволило увидеть «дикарей» скорее несчастными жертвами жажды наживы и даже самого Просвещения: «В таком *беззаботном состоянии* находились дикари до знакомства с промышленниками. ... познание о вине, о порохе, о картах ... *развернули в них различные страсти*, и сим только подвинулись они на шаг к просвещению» [Степанов, 1835, с. 61-62]. Таким образом, контроверсивное переплетение колониального и антиколониального дискурсов, констатации одновременно цивилизационной отсталости инородцев и пагубного развращения их нравов, гибели слабых этносов, которые несет приход цивилизации, стало основой отношения к «малым народам» в досоветскую эпоху. В отличие от западного колониального дискурса, никто из русских путешественников, администраторов, литераторов XVIII-XIX вв. не идеализировал образ

жизни аборигенов: климат и бедность их быта не вызывали ассоциаций с утраченным Эдемом.

К началу XX в. интеллигенты, критикуя и чиновников, и соплеменников, и миссионеров, начинают претендовать на роль единственного защитника угнетаемых и спаиваемых этносов, хозяев и монополистов антиколониального дискурса. Нетрудно заметить, что в качестве особо страстных заступников кетов да и других народов чаще всего выступали ассимилированные или неассимилированные представители национальных меньшинств России (немцы, швед, еврей, украинцы) и политические маргиналы (ссылные интеллигенты). Их тексты, как правило, выходили за пределы этнографии и литературы, становясь публицистикой или служебной запиской, адресованными соответственно обществу или власти. Так, публикация очерка этнографа В. Передольского «Ландур» в газете «Енисей» в начале XX в. вынудила местное начальство «по Высочайшему Повелению» начать расследование деятельности русского купца-монополиста и немедленно помочь голодающим остякам, а в 1948 г. другой этнограф, С.И. Вайнштейн, обращается с запиской о бедственном положении кетов напрямую к Г.И. Маленкову. Реальными возможностями повлиять на судьбу инородцев обладала всегда только просвещенная государственная власть, в том числе и на местном уровне¹.

А.Н. Радищев первым из русских литераторов дал обобщенную характеристику народов Сибири, не устаревшую до сих пор: «Просты в нравах, застенчивы, гостеприимны, а повсеместная их страсть есть пьянство. Толико они оному преданы, что принуждены были издавна уже совсем запретить продажу горячих напитков в их кочевьях. Они в сем случае не знают ни умеренности и не жалеют ни здравия, ни имения» [Радищев, 1952, с. 136]. В полном соответствии со своими сентиментально-просветительскими убеждениями он одним из первых представил инородцев жертвами русских торговцев и священников: «Сии зверския ростовщики выманивают у них летом

---

¹ См. реформы по отношению к инородцам М. Сперанского, енисейского губернатора А. Степанова и др.

запасенную ими пищу за дешевую цену, а при начале зимы продают им ее же чрезмерно дорого. Таким образом, несчастные сии бывают жертвою плутовства городских жителей. Другое утеснение бывает им от неистовства священных служителей. Разъезжая по почтовому без платежа прогонов из одного селения в другое, пьют и едят даром и выманивают у сих простяков все, что только можно...» [Там же, с. 136-137].

Рассмотрим, как складывалось описание кетов в этнографическом дискурсе. Первым описывает языковую несовместимость «енисейских остяков» с «обскими» во время путешествия в Мангазею весной-летом 1723 г. Д.-Г. Мессершмидт. Тем не менее, до 1920-х гг. кетов будут продолжать называть «остяками», а в художественной литературе эта дезориентирующая, «колониальная» номинация сохраняется и до сих пор¹. Дневник Мессершмидта, который был издан только в 1960-е гг., хранился в архиве, но внимательно штудировался другими русскими путешественниками XVIII – середины XIX вв. Он впервые выдвинул предположение о родстве кетов с финнами. В этом предположении его поддержал швед Ф.И. фон Штраленберг [Von Strahlenberg, 1730]. Эта гипотеза станет впоследствии существенной частью «евроориентированной» гипотезы этнографов, особенно М.А. Кастрена и А.Ф. Миддендорфа: «Кажется, они – последние остатки некогда многочисленного и могущественного племени, которое в борьбе против русского и татарского преобладания уменьшилось до нескольких сот душ. По характеру своему они весьма близко подходят к нам, финнам – это добрый, тихий, мирный, бедный и нисколько не прихотливый народ. В наружности их монгольские черты выступают не так резко, как у самоедов или тунгусов» [Кастрен, 1999, с.171]; «...типичная финская физиономия, с финскими глазами, но монгольским, почти кругообразным очертанием лица» [Миддендорф, 1878, с. 659]. Это стремление «европеизировать» кетов и отделить их тем самым от их монголоидных соседей порой свойственно и современным травелогам: «Говорят, что в древности кеты были

---

¹ См. ниже у М. Тарковского.

светловолосы и светлоглазы, и вообще имели ярко выраженный европеоидный расовый тип» [Соколов, электронный ресурс, <http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1>]. Как уже говорилось, языковая исключительность кетов провоцирует «мифогенность» их этногенеза в истории.

В системе этнических противопоставлений уже Мессершмидт наибольшее внимание уделил соседям кетов – тунгусам, достаточно подробно описав их быт, нравы, приятность языка, талантливость. Эту черту колониального дискурса Д. Спёрр называет «классификацией» (создание иерархии колонизируемых этносов с акцентированием близости «избранных» к колонизаторам). Однако это было вполне объяснимо и вне «колониализма»: тунгусы встречались в Восточной и Южной Сибири повсеместно, они были на порядок многочисленнее тех же кетов (36 тыс. / 3,5 тыс.) и зажиточнее. После появления дневников и описаний Мессершмидта и Миллера они надолго стали любимым этносом русских путешественников и литераторов, по сути представляя все остальные сибирские народы: Пушкин совсем не случайно поместил именно их на западе империи в своем «Памятнике» («...и ныне дикой // Тунгус...»). Эта тенденция сохраняется и в наши дни: одним из претендентов на премию «Большая книга» 2017 г. стал роман Олега Ермакова «Песнь тунгуса», героем которого становится беглец-эвенк Мальчакиев, правнук великой шаманки и проводник в мир природы другого протагониста, русского школьника. Остяки же наряду с самоедами стали париями среди этносов Восточной Сибири.

После путешествий по тем же маршрутам Восточной Сибири десять лет спустя, в 1734–1735 гг. и 1739 г. Г.Ф. Миллер составил «Описание сибирских народов», в котором приоритет был отдан тунгусам как наиболее цивилизованному. Об остяках он отозвался скорее нейтрально, сравнивая их с ближайшими соседями: «Душевный характер остяков сам по себе хороший. Они не причиняют несчастий друг другу, но не столь щедры, как тунгусы» [Миллер, 2009, с.187]. Тем не менее им впервые была отмечена необычная сложность кетского языка, опять-таки в сравнении с тунгусским: «Остяки на реке Кети говорят, что по свидетельству и мнению всех соседних народов их остяцкий язык труднее всех остальных. Тогда как тунгусский язык, напротив, считается очень легким» [Там же, с. 61]. Таким образом, уникальность и сложность языков уже со второй половины XVIII в.

стали причиной особого отношения этнографов к кетам и родственным им еще более малочисленным народам (аринам, ассанам, котам, югам, пумпоколам).

Своего первого настоящего исследователя и защитника кеты обрели в лице финского лингвиста, шведа М.А. Кастрена. В 1858 г. он первым опубликовал грамматику и словарь кетского и котского языков («Versuch einer jensisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre») и его диалектов. Правда, с его подачи кетов до конца XIX в. стали ошибочно считать финно-угорским народом: уже очень хотелось финскому лингвисту найти побольше этнических «родственников». Но все-таки главной его целью было спасение уникального вымирающего языка: «На этом пути я намерен заняться еще языком, о котором никто не знает, что он такое. По мнению одного известного русского писателя, он принадлежит особому корню языков, который близок цели всего человеческого – к смерти и забвению» [Кастрен, 1999, с.109]. Таким образом, на первое место в отношении к кетам вышел их уникальный язык и возможная близость к европеоидам. В своих путевых записках (1846) Кастрен еще отчетливее противопоставил друг другу остяков и тунгусов как маргинальный и доминирующий этнос соответственно. Так, он отмечает «ловкость тунгусов» [Там же, с. 149] и «...неуклюжесть, неповоротливость остяков в оленьих или заячьих шубах» [Там же, с. 170], совершенно разную манеру вести себя и одеваться тех и других: «Тунгусы – красивый, нарядный и щеголеватый народ, их по справедливости можно было бы назвать дворянством Сибири. Они придумывают возможные способы и средства к украшению своей наружности, содержат себя довольно чисто и опрятно ... рядятся в разные фантастические костюмы [Там же, с. 150]; «Тунгусский князь был разряжен во вкусе своего народа; остяцкий ж – в простой шубе с прожженным задом» [Там же, с. 150].

Тунгусы и остяки у Кастрена образуют пару «хитрецы» / «простаки»: «тунгус несколько хитер и расчетлив, остяк же, напротив, простее и добродушнее» [Там же, с. 150]. Ср. «сердечная простота» [Там же, с. 152] (остяка. – В.М.). Позже «простота» остяков будет общим местом в описаниях и тех, кто вовсе будет не склонен относиться к ним сентиментально: «...в натуре остяка есть много простосердечия, несмотря на его наклонность к обману,

развивающемуся в нем преимущественно от нужды, лени и тяготеющих на нем казенных долгов» [Третьяков, 1871, с. 172]¹. Кастрен отдал предпочтение бесхитрым детям природы перед хитрыми и более развитыми тунгусами, другие путешественники выберут наиболее «храбрых воинов», к которым, по общему мнению, тоже относятся тунгусы: «С пылкостью характера тунгусы соединяют в себе редкие между инородцами черты – неустрашимость, отважность, ловкость, простосердечие и сострадательность» [Третьяков, 1871, с.163]. Итак, привилегированный этнос был назначен «колонизаторами», для кетов же были оставлены «простота» и «сложный язык», не вписывающийся ни в одну типологию.

«Колониальный дискурс» наиболее всего проявился в этнографических описаниях кетов второй половины XIX в. Однако начало пренебрежительного отношения к осякам было положено в этнографическом обзоре первого енисейского губернатора А.П. Степанова, которому не понравились и манера одеваться осяков, и выражения их лиц: «Осяки и в праздники, и в будний день всегда одинаковы: запачканы, оборваны и неловки» [Степанов, 1835, с. 76]; «Мужчины имеют пасмурное лице; у женщин разливаются в физиономии томность и страдание» [Там же, с. 77]. Впрочем, причины этого губернатор отчасти объяснил их занятиями: «...рыболовы гораздо неопрятнее тех жителей, которые занимаются другими промыслами [Там же, с.76].

Еще более усилят эту негативную оценку, добавив еще и характерологии, путешественники и авторы описаний Енисейского края, порой создается впечатление, что авторы как будто цитируют друг друга: «Беззаботливость, вспльчивость, хвастливость, лень – вот отличительные черты осяка» [Третьяков, 1871, с. 171]; «Беззаботность, хвастливость, беспечность и лень – вот отличительные черты характера этого инородца. Есть у него достаточно корму – он не двинется на работу, точно также если и голодает, то лежит и спит, пока крайняя нужда не заставит приняться за работу» [Лыткин, 1892, с.

---

¹ Ср. в конце XX в.: «А народ добрейший, очень смиренный, кроткий, христианнейший» [Соколов, электронный ресурс, <http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1>].

133]; «... остяки добросердечны, редко отказываются от уплаты долгов своих отцов, хотя плутовство и обманы развиваются между ними вследствие их крайне безотрадного положения и нищеты. Как мужчины, так и женщины неряшливы и нечистоплотны и крайне ветрены» [Там же, 134]; «Женщины, усвоив наследственную лень, грубость, нечистоплотность, столько же ветрены как и мужчины» [Третьяков, 1871, с. 172]; «...в пьяном виде остяк дик и безобразен до отвращения» [там же, с. 195]; «...привыкнув тунядничать, постоянно одолжаются казенным хлебом» [Там же, с. 229].

Если судить по травелогам, бедность кетов только усиливается на протяжении XIX в., это самый бедный народ Восточной Сибири: «хуже всех живут так называемые остяки» [Кастрен, 1999, с. 161]; «Во всей Сибири я не видел таких жалких кочевников, как Остяков у Бахтинского поселения» [Миддендорф, 1878, с. 659]; «...посреди поразительной нищеты» [Третьяков, 1871, с. 229]; «Вообще положение остяков крайне тяжелое и безотрадное; они живут в большинстве в плохих чумах и представляют из себя, за не многими исключениями, жалких нищих, притом находящихся в полной кабале и зависимости у местного русского населения» [Лыткин, 1892, с. 131]. Вообще, крайняя нищета кетов – лейтмотив очерков вне зависимости от времени их написания. Это в 1927 г. особо отметил авторитетнейший русский и советский этнограф В. Богораз-Тан, подытоживая наблюдения разных ученых: «Также и Тугаринов, согласно с Кастреном, Передольским и Анучиным говорит о крайнем обнищании енисейских остяков. Однако элементы обнищания и вымирания у разных авторов представлены различно» [Богораз-Тан, 2010, с. 97]

В советское время, несмотря на очевидный рост благосостояния всех малых народов, ситуация «хуже всех» принципиально не меняется: так, этнограф Вайнштейн вспоминает об экспедиции 1940-х гг. «Когда мы начали знакомиться с их бытом, то были поражены архаичностью их материальной культуры и социальной организации. <...> Нас удивило, что кеты выглядели очень плохо, отличались редкой худобой. Оказалось, что их положение было очень тяжелое. <...> Видно было, что они голодают» [Вайнштейн, электронный ресурс, http://www.valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/vajnshtejn.html]. В

кризисные для многих малых народов 1990-е к безысходной бедности добавляется и алкоголизм: «Жилища кетов в основном очень убоги» [Соколов, электронный ресурс, <http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1>]; «Кеты в Келлоге вымирают. Два их врага: алкоголизм и голод. Рассказывает один из жителей Бора: “Приезжаем к ним, заходим в один из домов. Сидят несколько человек с детьми. На полу – бутылка спирта и щука. Все, в том числе и дети, гложут щуку и запивают спиртом”» [Соколов, электронный ресурс, <http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1>].

Итак, к концу XIX в. кеты в наибольшей степени стали претендовать на роль париев колониального дискурса, но и тем самым – «отверженных» сентиментально-интеллигентского, антиколониального дискурса. Самым яростным защитником кетов и, соответственно, обличителем русских угнетателей стал этнограф В.В. Передольский, который побывал у остяков три раза – в 1894, 1895, 1898 гг. Правда, до сих пор остается неясным, каких именно енисейских остяков он описывает: упоминаемые им в молитвах персонажей имена богов указывают скорее на селькупов, которых, чтобы отличить от кетов, называли тогда остяками-самоедами. Его очерки стали первым беллетризованным описанием безотрадной участи этого народа. Хотя автор сам постоянно подчеркивает отсутствие вымысла («все очерки мои – это картины действительности, не изменены даже имена» [Передольский, 1908, с. VIII]), но в то же время он не чуждается повествовательных эффектов вроде постоянного нагнетания *crescendo* разного рода ужасов, описывающих нищету и страдания остяков, и, соответственно, жестокости и хитрости русских. Вот как в романтическом стиле изображается им, например, духовное превосходство шамана над православным священником: «Снова смотрит шаман на батьку – да уж другими глазами; не бегут теперь из них слезы: страшный огонь, что сверкнул вдруг из-под нависших бровей, – высушил их. Жжет очами своими батьку шаман. Съежился тот, даже рукой заслонился и пятится, пятится к лодке: корезит его, как бересту в огне. А шаман все стоит. Высоко поднял старую голову и сам вдруг будто выше стал. Грозно светятся очи из-под вклокоченных белых волос, тихо подымается вверх рука шамана...» [Там же, с. 60].

В отличие от всех предыдущих авторов Передольский полностью игнорирует признаки дикости нравов или неустроенности быта остяков, он всецело и всегда на их стороне. Передольский склонен оправдывать остяков в любой ситуации и обвинять во всем русских: «...енисейский остяк жить без хлеба теперь не может, потому что у него нет оленей, а оленей у него нет потому, что их выманил себе русский торгаш, спойв инородца водкой» [Там же, с. VII]. В действительности же, большинство кетов находилось на гораздо более архаичной стадии развития, чем окружающие их народы, поэтому в своей повседневной жизни они привыкли обходиться без оленей, заменяя их собаками.

«Титаническая сила природы», «мощь Енисея» в композиции книги контрастны убыванию сил остяцкого народа (См. название очерка «Все равно погибать»): один за другим гибнут борцы за остяцкий народ, стареет и теряет жену Савоська, спиваются даже те, кто пытался сопротивляться тяге к водке. Весь цикл представляет собой сочетание жанров плача, инвективы и этнографического очерка. В конечном счете автором и персонажами обвинение предьявляется всему русскому этносу: «...остяк гибнет, и гибель его тяжелым упреком ложится на русского и не только на того русского, который непосредственно гнетет остяка на дальних окраинах Азии, но и на русского вообще, так как он, ограждая себя от вредного элемента в своей среде, безжалостно отбрасывает таковой в среду беззащитных дикарей» [Там же, с. VII]; «...костенеющим языком шаман роняет свое последнее слово: – “Берегитесь... русских... не верьте... русским... вся погибель... от них”» [Там же, с. 66-67]. Купцы, рыбопромышленники, священник («батька»), любой русский поселенец у Передольского предстают абсолютно законченными в своей жестокой бесчеловечности.

После беспрецедентной книги Передольского кеты по-прежнему будут представлять интерес для советских этнографов и лингвистов, но язык их описания будет выстроен в духе научного объективизма и автоцензуры всего того, что могло причинить вред репутации «малого народа». Предпосылки к этому возникли еще в дореволюционное время, книга Передольского стала образцом будущего воинствующего постколониализма. Такой антиколониализм

неизбежно начал принимать русофобский характер, хотя он и оговаривался авторами как необходимость «коренизации» управления, образования, административного и культурного отделения от русских. Уже в 1920-х гг. самый авторитетный идеолог защиты малых народов В.Г. Богораз, автор наиболее продуманного и широко обсуждавшегося проекта их обустройства, будет утверждать, что «слияние с русскими без всяких оговорок есть смерть для инородцев» [Богораз, 1922].

По-настоящему полноценными героями литературы советского периода, в отличие от тех же эвенков или удэге (шаманка Синильга в «Угрюм-реке» В. Шишкова, Улукиткан в повестях Гр. Федосеева, Дерсу Узала и др.), кеты так и не стали. В «Воскресшем племени» Богораз-Тана истории вымышленных одунов придан расширительный смысл, подразумевающий будущую судьбу всех малых народов Сибири и Севера, в том числе и кетов: «История одунов – это не только история юкагиров, это – история кетов, долганов, эвенков и эвенков и десятка других северных народностей, над угнетением которых работали вместе казаки, исправники, торговцы и попы» [Богораз-Тан, 1935].

Кеты лишь упоминаются в одной из рассказов «Царь-рыбы» В.П. Астафьева (1976) в ряду таких же «наивных» инородцев, соблазненных на вознаграждение за поимку беглецов из лагерей в конце 1930-х гг.: «Однако вербованные людишки, падкие на дармовщину, развращенные уже всякого рода подачками, а также наивные северные народы – долгане, нганасаны, селькупы, кето, эвенки, – не ведая, что творят, стали вылавливать “врагов народа” и доставлять их на военные караульные посты, выставленные в устье глубоких речек.

Озверелые от тоски, вшей и волчьего житья в землянках, постовые конвойники и патрули жестоко избивали пойманных и возвращали на “объекты”, где скорым судом им добавлялось пять лет за побег, а герои энкавэдэшных служб вместе с падкими на вино полудикими инородцами пили до зеленых соплей на деньги дуриком доставшиеся, – вино было дешевое, время бездумное, энтузиазму полное» [Астафьев, электронный ресурс, <http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm>]. Поведенческие черты кетов – наивность, полудикость, алкогольная зависимость – здесь ничем не отличаются от тех, которые были описаны

этнографами второй половины XIX в. Отказавшись от вековой для тайги этики взаимопомощи и гостеприимства, они тем самым попали в чуждый для них трагический круговорот жертв и палачей советской истории. Драматическая история «остяка дурного» Киряги-деревяги, инвалида войны, продавшего свою единственную медаль цинику Герцеву, сплетает воедино комедийный архетип «хвастливого воина», опустошение поселка Боганида и печальную участь спивающегося малого народа.

Однако и «руссоистский» взгляд на естественную и по-своему «беззаботную» жизнь сибирских народов в их природной среде оказался неотменим, по крайней мере с XVIII в. По впечатлениям от поездки Астафьева на озеро Кетá (Хита) – озеро на плато Путоран – было написано «Кетское озеро» лирическая миниатюра-очерк, вошедшая в 8-ю тетрадь книги «Затеси» (1972-2000). Воспоминания детства смешиваются здесь с идиллическими осенними пейзажами озера, уже покинутого кетами: «Помню, как, еще в *детстве*, возле центрального универсама, опустив головы, стояли олени с закуржавелыми мордами, запряженные в нарты, с гладко обструганными хореями, брошенными на какие-то шкуры и манатки. Когда узкоглазых парней или широколицых женщин спрашивали, откуда они, а те, опустив почему-то глаза, тоненько и застенчиво отвечали: «С Хетского озера, бойе, с Хетского озера» <...> – Кормитесь, милые, гуляйте, летайте. Здесь, где еще царит *кетский сон и земная благодать*. <...> Прощай, кетский сон. Суждено ли мне еще раз внять тишине этого прекрасного мироздания?» [Астафьев, электронный ресурс, <http://www.infoliolib.info/rlit/astafyev/son.html>]. Миниатюра лишена явного «этнического» колорита, это скорее лирический вариант архетипа Эдема, где потерянное детство рассказчика, сохранившееся лишь в названии да в остатках барачков прошлое рыболовов-кетов сохранены в гармонии безмятежной жизни природы. Тем не менее, в перспективе стратегий колониальной риторики Д. Спёра миниатюра может рассматриваться как типичная «идеализация» колонизованного рая [Spurr, 1993, p.125-141].

Современный писатель-реалист и охотник М. Тарковский, который проводит большую часть года в с. Бахта Красноярского края, наблюдает живущих там русских и кетов в их повседневной жизни и

на охоте. В его рассказах и очерках можно встретить и впечатления от кетской этнографической экзотики, и «мудрых старух», хранящих кетские алэлы, и стариков-охотников, и стаю алкоголиков, давно утративших этническую идентичность (язык и умение охотиться): «Тайгой никто из них почти не жил, все было пропито, а гуманные подачки государства и разных комитетов только еще больше развращали. Языка тоже никто из них не знал, кроме одного слова “уль”, означающего водку» [Тарковский, электронный ресурс, http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=4406&section_id=55&view=print]. Среди последних особо рельефно и драматично в нескольких произведениях выделен кет по прозвищу Страдиварий. В «бахтинском цикле» Тарковского даже в пьющем по преимуществу русском селе остяки прочно располагаются на самом социальном «дне».

По-своему пытались освоить кетскую тему и авангардисты 1990-х – начала 2000-х гг. Так, «юродивый» поэт и лингвист-кетовед Кирилл Решетников (известный в 1990-х гг. под псевдонимом Шиш Брянский) в своих стихах «Енисейского цикла» (1995) использовал мотивы кетской мифологии: «Тяжко глядящий, видящий все, что есть, // Иконописный наклонился Есь, // Чтоб роспись стерла, хвои слуг ежистых // На солнце-бубен веточкой нанося...» [Решетников, электронный ресурс, <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon3/reshetnik.html>].

Нарождавшийся авторский модернистский «неомиф», к сожалению, редуцировался до традиционного для русской поэзии образа стихотворца как властителя воображаемого «кетского пространства», который, конечно, вполне естественен для лингвиста, владеющего этим редчайшим языком: «О, иную, пастырь, память я посею, // Будешь княжить, будешь править Кетью всею!»; [Решетников, электронный ресурс, <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon3/reshetnik.html>], «Так и напишу в анкете // Господарь всея Кети!» [Брянский, 2003, с. 214]. «Кетский миф» так и не стал какой-либо существенной частью его поэтического проекта и был сначала растворен в мотивах сибирской и евразийской этнической экзотики, а в 2000-х гг. на первый план вышло специфическое обценное юродство поэта.

В отличие от соцреализма, чьи герои были открыты будущему, современные исторические фэнтези восстанавливают значимую роль тех или иных колонизованных народов в прошлом по крайней мере России, как это произошло, например, с вогулами (манси) в романе-легенде А. Иванова «Сердце пармы» (2003). Именно этот роман открыл для современных прозаиков возможности отечественного «магического реализма» с региональным и этническим акцентом, ресурсы «экзотической» лексики и топонимики в повествовании и хронотопе. Напомним, что у истоков подобной этнической прозы стояли ссыльные русские интеллигенты-этнографы, писавшие и «палеолитические романы» из жизни народов Севера и Сибири, действие которых происходит в доисторические времена («Восемь племен», 1902, «Жертвы дракона», 1909, В.Г. Богораза-Тана).

В 2010-е гг. особое внимание московских критиков привлекли к себе романы-притчи прозаиков из Красноярского края – А.Е. Григоренко «Мэбэт» (2011), «Ильгет. Три имени судьбы» (2013), а региональной культурной среде значительным явлением стала историческая трилогия А.М. Бондаренко «Государева вотчина: Сказание о земле Енисейской» (1999-2005). В двух последних романах авторы создают воображаемое прошлое енисейских народов, соотношенное с карательным вторжением монголов на Енисей и первым появлением там русских. Таким образом, заполняются те самые лакуны колониальной риторики, которые Д. Спёрр называл «отрицанием», зонами «темноты» [Spurr, 1993, p. 92-109]. Действие романа-притчи «Ильгет» происходит в XIII в. на берегах Ионесси (Енисей) и в Самарканде, его персонажи разнообразны – ненцы (юраки), тунгусы, кеты, монголы Чингисхана, мусульмане. Главный герой – кет-найденыш, который восстанавливает утраченную идентичность своего имени, рода, места рождения, тотема: «Ты нашёл меня, брата, имя, свой народ. Теперь осталось вернуть землю» [Григоренко, 2013, с. 186] Свое кетское имя Ильгет («Человек Вселенной» Ильгет – букв. «земной человек»; ср. кет. *илбанг* (*ильванг*) – «вселенная»), свою мать и место рождения он узнает, лишь пройдя трудный путь воина и мстителя за убитого брата (Ильгет – герой прежде всего военных преданий кетов): «Ты остяк

рода Большого Окуня, у тебя есть твоя река и земля» [Там же, с. 195]. Добравшись до места рождения, родной реки («...потому и реку иногда называют Бирюсой, но теперь она твоя. Великое дело, когда скитавшийся человек в свое гнездо возвращается. <...> – Так и называется твоя река – Ильгета. Ведь, кроме тебя, здесь иного никого нет» [Там же, с. 252]), Герой обретет свой тотем и дух места: «Рыба ждала меня. Это был окунь. Он стоял против течения, медленно извиваясь большим черно-зеленым телом, и, приблизив глаза к самой поверхности, неотрывно смотрел на меня. Временами течение увлекало его под лед, но окунь возвращался. Так же неотрывно я смотрел на него, это продолжалось долго и, казалось, через мгновение рыба что-то скажет мне – так чудесно и благостно было на сердце» [Там же, с. 272]; он получит и своего родового идола, кетский алэл: «В мешочке была крохотная деревянная кукла – от времени она покрылась блестящим налетом железа. – Твой алэл. Водой прибило... Сам вернулся, будто знал, что ты придешь. Ну вот, теперь ты совсем дома» [Там же, с. 278].

Однако в последней части романа Ильгет теряет все – жену, детей, родную землю, став пленником монголов и оказавшись в чужой земле, в Самарканде. В финале романа архетипический мотив странствия и становления героя окончательно возобладает над мотивом возвращения к истокам, к идентичности. Так в судьбе героя реализуется семантика его имени, выводящая его за пределы «этноса и локуса», на просторы мира. Отметим, что роман стал первым, в котором автор попытался выйти за пределы типичного колониального или антиколониального дискурса русской литературы, не только потому, что герой-рассказчик видит свой этнос «изнутри» (это было и у многих авторов советской этнической прозы), но и поскольку отношение к русской цивилизации здесь заменено соотносительностью героя с монгольским и мусульманским мирами.

Трилогия Бондаренко повествует о завоевании казаками Енисейского края и создании ими первого острога в 1618-1619 гг. Это типичный исторический роман, построенный на тщательном изучении источников и языка эпохи. Б.Я. Шарифуллин даже составил на ее основе целый словарь-справочник [Шарифуллин, 2007]. Третий роман («Чудь заблудящая», 2005) построен на борьбе тунгусов во главе с князем Тасеем против русских казаков и восстании примкнувших к

эвенкам кетов во главе с Веслой. Очевидно, что антиколониальная историческая концепция автора опровергает «протекционистскую» версию отечественных историков, традиционно настаивающих на необходимости защиты остяков от доминирования и ассимиляции эвенкского этноса (См. об этом [Бродников, 2002]).

Итак, постколониальная репрезентация этноса оказалась в точке символической бифуркации: «славное эпическое прошлое» и деградация в настоящем. Теперь все зависит от способности этноса к самосохранению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[Астафьев, В. Затеси / В. Астафьев. – \[Электронный ресурс\]. – URL: http://www.infoliolib.info/rlit/astafyev/son.html \(10.11.16\).](http://www.infoliolib.info/rlit/astafyev/son.html)

[Астафьев, В. Царь-рыба / В. Астафьев // Астафьев В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. \[Электронный ресурс\]. – URL: http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm \(10.04.17\).](http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm)

Богораз, В. Г. О первобытных племенах (наброски к проекту организации управления туземными племенами) / В.Г. Богораз // Жизнь национальностей. – 1922. – № 1.

Богораз-Тан, В. Г. Воскресшее племя [Электронный ресурс] / В.Г. Богораз-Тан. – URL: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1935_voskr_plemya.shtml (10.04.17).

Богораз-Тан, В. Кастрен – человек и ученый / В.Г. Богораз-Тан // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 3 (10). – С. 92-103.

Бондаренко, А. М. Государева вотчина: Сказание о земле Енисейской. Кн. 1. Самоядь / А.М. Бондаренко. – Красноярск: Офсет, 1999 – . [Кн. 1]. – 1999. – 447 с.

Бондаренко, А. М. Государева вотчина: Сказание о земле Енисейской / А.М. Бондаренко. – Красноярск: Офсет, 1999 – . Кн. 2: Стрела шамана. – 2001. – 600 с.

Бондаренко, А. М. Государева вотчина. Чудь заблудящая: Роман / А.М. Бондаренко. – Красноярск: ООО «Пик «Офсет», 2005. – 528 с.

Бродников, А. А. Присоединение к Русскому государству левобережья Среднего Енисея / А.А. Бродников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосибирск. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. – С. 5-13.

Брянский, Шиш. Стихотворения / Шиш Брянский. – Тверь: ООО «Колонна Паблицейшнз», 2003. – 240 с.

Бунин, И. А. Стихотворения. Рассказы / И. Бунин. – Москва: Правда, 1986. – 544 с.

Вайнштейн, С. И. С С.И. Вайнштейном беседует В.А. Тишков. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/vajnshtejn.html (10.04.17).

Григоренко, А. Ильгет. Три имени судьбы / А. Григоренко. – Москва: ArsisBooks, 2013. – 332 с.

Дульзон, А. П. Древние передвижения кетов по данным топонимики / А.П. Дульзон // Известия ВГО. Т. 94. – 1962. – Вып. 6. – С. 474-477.

Кастрен, М. А. Сочинения: в 2 т. Т.2. Путешествие в Сибирь (1845 – 1849) / М.А. Кастрен. – Тюмень, изд. Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.

Кукулин, И. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов / И. Кукулин // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 846-910.

Лыткин, Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее / очерк Н.В. Латкина, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. – Санкт-Петербург: тип. и лит. В.А. Тиханова, 1892. – [2], II, IV. – 467 с.

Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч.2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Вып. 7, отд. 6. Коренные жители Сибири (Окончание всего сочинения) / А.Ф. Миддендорф. – Санкт-Петербург: Изд-во имп. Акад. наук, 1878. – III,619-833с.,VIII+ил. – С. 657-660.

Миллер, Г. Ф. Описание сибирских народов / Г.Ф. Миллер / Пер. с нем. А. Х. Элерт. – Москва: Пам. истор. мысли, 2009. – 256 с.

Новоселова, Д. Enjoy extinction: гуманитарная катастрофа малых народов как ресурс для гуманитарных наук [Электронный ресурс] / Д. Новоселова. – URL: http://scepsis.net/library/id_3217.html#a5 (10.04.17).

Передольский, В. В. По Енисею: Быт енисейских остяков: С рис. по фот. автора / В.В. Передольский. – Санкт-Петербург: А.Ф. Девриен: [1908]. – VIII, – 182 с.

Радищев, А. Н. [Описание Тобольского наместничества] / А.Н. Радищев // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1938-1952. Т. 3 (1952). – С. 133-142.

Решетников, К. Стихи / К. Решетников // Вавилон: Вестник молодой литературы. Вып. 3(19). – Москва: АРГО-РИСК, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon3/reshetnik.html> (дата обращения: 10.04.17).

Слезкин, Ю. Л. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. Авторизованный пер. с английского О. Леонтьевой / Ю.Л. Слезкин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

Сибирская летопись. Есиповская летопись [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Sibir_let/frameset.htm

Соколов, А. Миссионерская поездка к кетам [Электронный ресурс] / А. Соколов. – URL: <http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1/> (10.04.17).

Степанов, А. Енисейская губерния. Ч.2 / А. Степанов // Степанов А. Енисейская губерния. Ч.1-2. – Санкт-Петербург: тип. К. Венгебера, 1835. – 456 с.

Тарковский, М. Фундамент [Электронный ресурс] / М. Тарковский. – URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=4406&section_id=55&view=print (10.04.17).

Третьяков, П.И. Туруханский край, его природа и жители / П.И. Третьяков // [Соч.] П.И. Третьякова. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1871. – [6], 316 с.

Фадеев, А. Последний из удэге / А. Фадеев. – Москва: Советский писатель, 1957. – 484 с.

Шарифуллин, Б.Я. Историко-лингвистический словарь трилогии «Государева вотчина» А.М. Бондаренко / Б.Я. Шарифуллин. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2007. – [Электронный ресурс]. – URL: http://sovereign_patrimony.academic.ru/ (10.04.17).

Эткинд, А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/etk.html> (10.04.17).

Messerschmidt, D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. – Berlin, 1964. – S. 64-67.

Spurr, David. The Rhetoric of Empire: Colonial Discourse in Journalism, Travel Writing, and Imperial Administration. – Durham: Duke University Press, 1993. – 212 p.

Strahlenberg, Philipp Johann Tabbert. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 438 p.

Thompson, Ewa. M. Westport, CT. Greenwood Press, 2000. – 248 p.

REFERENCES:

Astaf'ev, V. Zatesi. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/astafyev/son.html> (20.04.17).

Astaf'ev, V. Car'-ryba / V. Astaf'ev // Astaf'ev V. Sobraanie sochinenij v pyatnadcati tomah. – [Elektronnyy resurs]. – URL: T.6. <http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm>(accessed: 20.04.17).

Bogoraz, V. G. O pervobytnyh plemenah (nabroski k proektu organizacii upravleniya tuzemnymi plemenami) / V. G. Bogoraz // ZHizn' nacional'nostej. – 1922. – № 1.

Bogoraz-Tan, V. G. Voskresshee plemya [EHlektronnyj resurs] / V.G. Bogoraz-Tan. – URL: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1935_voskr_plemya.shtml (10.04.17).

Bogoraz-Tan, V. Kastren – chelovek i uchenyj / V. Bogoraz-Tan // Uralo-altajskie issledovaniya. – 2013. – № 3 (10). – S. 92-103.

Bondarenko, A. M. Gosudareva votchina: Skazanie o zemle Enisejskoj. Kn. 1. Samoyad' / A. M. Bondarenko. – Krasnoyarsk: Ofset, 1999 – . [Kn. 1]. – 1999. – 447 s.

Bondarenko, A.M. Gosudareva votchina: Skazanie o zemle Enisejskoj / A. M. Bondarenko. – Krasnoyarsk: Ofset, 1999 – . Kn. 2: Strela shamana. – 2001. – 600 s.

Bondarenko, A. M. Gosudareva votchina. Сhud' zabludyashchaya: Roman / A. M. Bondarenko. – Krasnoyarsk: ООО «Пик «Ofset», 2005. – 528 s.

Brodnikov, A. A. Prisoedinenie k Russkomu gosudarstvu levoberezh'ya Srednego Eniseya / A. A. Brodnikov // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 1. Vyp. 3: Istoriya / Novosib. gos. un-t. – Novosibirsk, 2002. – C. 5-13.

Bryanskij, Shish. Stihotvoreniya / Shish Bryanskij. – Tver': ООО «Kolonna Pablikejshnz», 2003. – 240 s.

Bunin, I. A. Stihotvoreniya. Rasskazy / I. A. Bunin. – Moskva: Pravda, 1986. – 544 s.

Dul'zon, A.P. Drevnie peredvizheniya ketov po dannym toponimiki / A.P. Dul'zon // IVGO. T. 94. – 1962. – Vyp. 6.

Etkind, A. Russkaya literatura, XIX vek: Roman vnutrennej kolonizacii / A. Etkind // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2003. – № 59. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/etk.html> (20.04.17).

Fadeev, A. Poslednij iz udehge / A. Fadeev. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1957. – 484 s.

Grigorenko, A. Il'get. Tri imeni sud'by / A. Grigorenko. – Moskva: ArsisBooks, 2013. – 332 s.

Kastren, M. A. Sochineniya. V 2-h t. T.2. Puteshestvie v Sibir' (1845 – 1849) / M. A. Kastren. – Tyumen', izd. YU. Mandriki, 1999. – 352 s.

Kukulin, I. «Vnutrennyaya postkolonizaciya»: formirovanie postkolonial'nogo soznaniya v russkoj literature 1970–2000 godov / I. Kukulin // Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii: Sb. statej / Pod red. A. Etkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 960 s. S.846-910.

Lytkin, N. V. Enisejskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee / ocherk N. V. Latkina, chl. Imp. Rus. geogr. o-va. – Sankt-Peterburg: tip. i lit. V. A. Tihanova, 1892. – [2], II, IV/– 467 s.

Middendorf, A. F. Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch.2.Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Vyp. 7, ot d. 6. Korennye zhiteli Sibiri. (Okonchanie vsego sochineniya) / A. F. Middendorf. – Sankt-Peterburg: Izd-vo imp. Akad.nauk, 1878. – III, 619-833c., VIII+il. – S. 657-660.

Miller, G. F. Opisanie sibirskih narodov / G. F. Miller / Per. s nem. A. H. Ehlert. – Moskva, Pam. istor.mysli, 2009. – 256 s.

Novoselova, D. Enjoy extinction: gumanitarnaya katastrofa malyh narodov kak resurs dlya gumanitarnyh nauk [Elektronnyj resurs] / D. Novoselov. – URL: http://scepis.net/library/id_3217.html#a5 (10.04.17).

Peredol'skij, V. V. Po Eniseyu: Byt enisejskih. ostyakov: S ris. po fot. avtora / V.V. Peredol'skij. – Sankt-Peterburg: A.F. Devrien: [1908]. – VIII, 182 s.

Radishchev, A. N. [Opisanie Tobol'skogo namestnichestva] / A. N. Radishchev // A.N. Radishchev. Polnoe sobranie sochinenij. – Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1938-1952. T. 3 (1952). – S. 133-142.

Reshetnikov, K. Stihi / K. Reshetnikov // Vavilon: Vestnik molodoj literatury. Vyp. 3(19). – Moskva: ARGO-RISK, 1995. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon3/reshetnik.html>. (20.04.17).

Sharifullin, B.Y. Istoriko- lingvisticheskiy slovar' trilogii «Gosudareva votchina» A.M.Bondarenko / Sibirskij federal'nyj universitet. – Krasnoyarsk. 2007. [Elektronnyj resurs]. URL: http://sovereign_patrimony.academic.ru/ (20.04.17).

Sibirskaya letopis. Esipovskaya letopis'. – [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Sibir_let/frameset.htm

Slezkin, Y. L. Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa. Avtorizovannyj per. s anglijskogo O. Leont'evoj / Y. L. Slezkin. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 512 s.

Sokolov, A. Missionerskaya poezdka k ketam / A. Sokolov. – [Elektronnyj resurs]. – URL: [http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1/\(20.04.17\)](http://www.pravmir.ru/igumen-arsenij-sokolov-missionerskaya-poezdka-k-ketam-1/(20.04.17)).

Stepanov, A. Enisejskaya guberniya. CH.2 / A. Stepanov // Stepanov A. Enisejskaya guberniya. CH.1-2. – SPb., tip. K. Vengebera, 1835. – 456 s.

Tarkovskij, M. Fundament / M. Tarkovskij. – [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?id=4406&section_id=55&view=print (20.04.17)

Tret'yakov, P.I. Turuhanskij kraj, ego priroda i zhiteli / [Soch.] P.I. Tret'yakova. – Sankt-Peterburg : tip. V. Bezobrazova i K^o, 1871. – [6], 316 s.

Vajnshtejn, I. S. S. I. Vajnshtejnom beseduet V.A.Tishkov. [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/vajnshtejn.html. (20.04.17)

Messerschmidt, D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 - Mai 1724. – Berlin, 1964. – S. 64-67.

Spurr, David. The Rhetoric of Empire: Colonial Discourse in Journalism, Travel Writing, and Imperial Administration. – Durham: Duke University Press, 1993. – 212 p.

Strahlenberg, P. J.T. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 438 p.

Thompson, Ewa. M. Westport, CT. Greenwood Press, 2000. – 248 p.